

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЮДИ

- Юмико 13
Бес названия 15
Никто не любит Скрябышева 48
Эррата 51
Симаргл 70
Все мои птицы 124

ЧУДОВИЩА

- Элегия Канта 153
Морфей 189
Фарбрика 206
Лайошевы пчёлы 249
Снежинка-девятнадцать 260

БОГИ

- Песни снежного кита 265
Змееносцы 287
Башня 339
Ыттыгыргын 342

In «The Farctory», a dazzling and surreal tale, reality collapses into cardboard and cartoon once the machinery that produces colour shuts down.

— *The Times*

A singular talent, with writing fresh and strange.

— *Lavie Tidhar*

If you told me that «Lajos and His Bees» was actually recorded by the Grimms, I'd be inclined to believe you. K.A.Teryna perfectly matches the tone and style of those old Eastern European folktales, the ones full of blood and revenge and tragic deaths.

— *Alex Brown, Tor.com*

В «Фарбрике», ослепительной и причудливой истории, реальность становится картонной и мультяшной, как только прекращают работу машины по производству цвета.

— *The Times*

Уникальный талант с необычным и свежим стилем.

— *Lavie Tidhar*

Если мне скажут, что на самом деле «Лайошевых пчёл» записали братья Гримм, я, возможно, поверю. К.А.Терина идеально воспроизводит тон и стиль тех старых восточноевропейских сказок, что полны крови, мести и трагических смертей.

— *Alex Brown, Tor.com*

ЛЮДИ

ЮМИКО

Юмико уже совсем старушка, но старушечьих занятий не знает, потому всё своё медленное время посвящает порядку и кошке. Кошка зовётся Белка, характер имеет независимый. Летом гуляет по графству Кент и смотрит через пролив на Францию; зимует на чердаке. Натаптывает маленькими лапками чёрные следы на лестнице, а Юмико, ругаясь для вида, старательно эти следы затирает. Так и живут.

Домик Юмико, куда сорок лет назад привёз её из Нагасаки английский джентльмен, стоит на краешке скалы. Первое, что видят на берегу чужестранцы — пассажиры парома Кале — Дувр, — воспоминания Юмико, развешанные на бельевых верёвках.

Блёклые, скучной расцветки воспоминания о жизни Юмико в Англии. Замершие и пустые, как ржавый брегет, оставшийся от мужа.

Многоцветие мелких лоскутов из детства и юности Юмико. Из странной, страшной и яркой жизни в Нагасаки. Юмико снимает их с верёвок, складывает в белье-

вую корзину, и воспоминания непокорно бьются в её слабых руках, как маленькие флаги реют на ветру.

Все, кроме одного. Красный лоскут исчез.

Красный лоскут — три дня, таких сладких, таких горьких. Три счастливых ночи с капитаном-французом, и его голос — рваный, хриплый.

Помимо воли Юмико трогает старый шрам на шее.

Три ночи любви и сорок лет воспоминаний о ней.

Красный лоскут исчез.

Юмико медленно опускается на камни, заглядывает в бельевую корзину. По одному достаёт их — цветные обрезки солнечных японских дней. Синее небо, лепестки гортензии, старый гобан отца, тёплые руки матери. Безумные портовые кабаки, джига и ром. Юный матрос, первый поцелуй, бумажный фонарик под Окулярным мостом.

Без красного лоскута всё это ей ни к чему.

Ветер рвёт воспоминания из рук, и Юмико разжимает пальцы. Долго смотрит, как летят они над морем цветными чайками, растворяются в вечерних сумерках.

На чердаке, в пыльном углу, среди рваных коробок и истлевших книг, довольно урчит кошка Белка. Рядом, на тёплом красном лоскутке, прижавшись друг к другу, спят котята. Им снится Марсель.

БЕС НАЗВАНИЯ

«**Т**ак. Во первых меня зовут Марик и ни каких вариантов.
Бабушка инагда зовёт меня Марочкой. Звучит наркомански и я угораю когда Ба так говорит. Одно временно меня выбешивает, что Марочка звучит как Ларочка. Девчачье имя.

Я могбы запретить ей. Сказать не делай так Ба никогда незови меня этим наркоманским девчачьим именем. Но немогу. Она стирала мои засратые пелёнки и ночей неспала. Она лично забрала меня у аиста. Отчистила меня от капустных листьев.

Это я только начал перичеслять.

Ещё, много чего, думаю понятно.

С каким лицом я пришёлбы ей чтото запрещать. Только просить. Попросил не звать меня Марочкой «в обществе» (так говорит Ба: в обществе). Ещё попросил не называть меня зайкой.

Она инагда забывает. Зовёт Марочкой. Или зайкой. Тогда я закатываю глаза и делаю «такое лицо» и она извиняется и покупает мороженное. Нухоть чтото.

Марковкой Ба зовёт меня когда хочет потдеть. Или если я в чёмто провинился. Однажды я назвал её в ответ бабкой. Она ужасно расстроилась.

Во вторых напиши внезу своё Имя.

И третьих: Я СЕРЬЁЗНО.

PS. Страусы».

При чём здесь страусы?

В этот раз записка получилась ещё более идиотской, чем обычно. Но иногда приходится делать идиотские вещи, чтобы достичь разумного результата.

Марик вырывает листок из тетрадки. С обратной стороны написано «Семнадцатая октября». И ещё: «Домашняя работа». Буквы не такие кривые, как в записке, — аккуратные, одна к одной. Ещё бы. Их он писал не на эскалаторе в метро, а дома, сидя за бабушкиным столом, под строгим бабушкиным взглядом. Взгляд не настоящий, а с портрета, где она молодая, с отпадной причёской и крахмальным воротничком.

Дальше на обратной стороне листка пусто. Написать очередное стрёмное сочинение про осень он не успел.

Эскалатор почти закончился, и время тоже.

Марик смотрит на записку. Вроде бы всё на месте и ровно так, как должно быть. Даже «Семнадцатая октября» и «Домашняя работа» на обратной стороне. Даже слово «засратые», за которое он бы получил по ушам от бабушки. Прости, Ба. Так нужно.

Всё на месте. Не хватает только названия. У всякого серьёзного документа есть название. «Заявление». «Объяснительная». «Отчёт».

Он мог бы написать «Договор». Или «Контракт». Но лишняя откровенность вредит в таких делах. Поэтому он пишет наверху крупно и совсем уже криво «БЕС НАЗВАНИЯ».

То что надо. Буквы сплелись в узор, сцепились, нетерпеливо перешёптываются, готовые вести хоровод.

Марик прыгивает с эскалатора, на бегу прячет тетрадку в рюкзак.

Его шаги эхом разлетаются по пустой ночной станции. Почти сразу их перекрывает звук подходящего поезда, и сердце камнем ухает вниз. Неужели опоздал?

Нет. Поезд вылетает из тоннеля с правой стороны станции. А ему нужна левая.

Девушка стоит у самого края платформы. Напряжённо всматривается в темноту тоннеля. Не то чтобы толстуха, но в школе её, пожалуй, задрознили бы. Впрочем, для школы она старовата. Или надо говорить «взрословата»?

Марику сложно судить о возрасте женщин. И дело не только во внешности, хотя и в ней тоже. Одни до ста лет одеваются как старшеклассницы, другие уже в старших классах выглядят как юные старушки.

Одни (такие, как Ба) светятся, точно у них внутри колония светлячков. Внутри других только мрак и дым от погасшей свечи. Или от взорвавшейся петарды.

Эта скорее из последних.

Она похожа на самую большую печальную матрёшку, из которой вынули весь внутренний мир.

Сначала он пошёл за ней просто потому, что ему нужен был проводник.

Переход под Серпуховской площадью слишком длинный, чтобы преодолеть его в одиночку.

Почти бесконечный.

Он неплохо освещён и кажется безопасным, но здравомыслящий человек не сунется в такой переход без сопровождения.